

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОГРЕШНОСТЬ

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Азарины-Токманы-Громы

Мария Высоцкая

Погрешность

«Автор»

2020

Высоцкая М.

Погрешность / М. Высоцкая — «Автор», 2020 — (Азарины-Токманы-Громовы)

Ульяна - молодая и талантливая балерина, впереди ее ждет большое будущее. Степан - гениальный врач, настоящий бриллиант пластической хирургии. Кажется, они были знакомы всегда. Она влюбилась в него, будучи еще совсем девчонкой, лелея надежду на счастливое завтра. Но все закончилось, так и не успев начаться. Он уехал. Исчез из ее жизни, а по возвращении вновь перевернул ее мир с ног на голову. Но когда сила и слабость сливаются воедино, наивность и расчет меняются местами. Отныне ее цель поставить на колени того, кто никогда не ценил чувств, и неважно, что в этом случае вероятность погрешности растет в геометрической прогрессии. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Высоцкая

Погрешность

В оформлении обложки использована фотография автора Slava_14 «Модное студийное фото шикарной красивой женщины с длинными волосами в вечернем платье» с <https://www.shutterstock.com> и автора fxquadro «Татуированный человек изолирован на белом фоне» с <https://www.shutterstock.com>

Пролог

– Ты улетаешь? – Ульяна застыла на пороге огромной гостиной, пробежала взглядом по массивному угловому дивану ослепительно белого цвета, в глаза сразу бросился открытый и уже наполовину собранный чемодан.

– Да. Через четыре часа самолет.

– Надолго?

– Не знаю. На пару лет, может, больше...

Никольская разомкнула губы, хотела выразить недовольство, выкрикнуть все свое разочарование, но тактично смолчала. Стиснула зубы, провела ладонями по серым мом-джинсам и, коснувшись пальчиками стены, сделала пару шагов.

Ей нужно было успокоиться, собраться с мыслями. Ведь все происходящее сейчас совсем не укладывалось в ее голове. Она наивно полагала, что между ними есть связь, ей казалось, что все будет идти по придуманному в ее подростковом воображении сценарию. По дурацкому плану. Но Громов все испортил. Просто взял и растоптал ее надежды. Пара лет – это же так много, насколько еще они могут затянуться по итогу?

Обогнув диван, Ульяна медленно потерла ладони друг о друга и, набравшись смелости, взглянула Громову в глаза. Что она в них увидела? Ничего. Полное безразличие. Ни капли чувств и понимания ситуации, в которую он ее загнал.

– Ты оставляешь меня одну? – сказала тихо, переминаясь с ноги на ногу.

– Ульяна, – Громов шумно выдохнул в поднесенные к лицу ладони, на нем все так же не было эмоций раскаяния или сожаления.

Сейчас мужчина делал все подобно роботу, на автомате, он часто прибегал к этому методу, ампутировал гангрену сразу, не давая ей разрастись. Вот и Ульяна в какой-то мере была той самой гангреной, которая, сама того не подозревая, могла разрушить все, что он выстраивал долгие годы, одним своим прикосновением.

Громов уже давно понял, как она к нему относится, и это понимание не принесло ничего хорошего. Скорее, погрузило в какой-то неведомый до этого мрак. Он всегда воспринимал ее как младшую сестру, а теперь, кажется, видел в ней девушку, и это пугало. Складывающаяся ситуация была отвратительной.

– Ульян, так будет лучше для всех, – сказал спокойно и посмотрел за свою широкую спину. Взглянул в панорамное окно и убрал руки в карманы черных костюмных брюк.

– Для всех? – девушка отрицательно помотала головой, пытаясь сдержать накатывающиеся слезы. – Нет, так будет лучше только для тебя.

Она все же сорвалась с места, подбежала к нему слишком близко, ощутила тепло и запах туалетной воды. Вскинула руки, с размаху ударяя ладонями по мужской груди. Было больно, ей было так больно осознавать происходящее. Все разваливалось, душа никак не могла найти себе места. Она кричала, корчилась от едкой боли.

Кажется, Никольская любила его сколько себя помнила. Они жили по соседству, загородный поселок, застроенный частными домами. Громовы поселились там шесть лет назад. Громовы поселились там шесть лет назад. Тогда Степан еще был студентом медицинской академии, где по иронии судьбы преподавал Ульянин отец. Постепенно родители сдружились, устраивали совместные праздники, приглашали друг друга на ужины, обеды. Такая чисто соседская атмосфера.

Но с каждым прожитым годом она все больше понимала, насколько дорогим ей становится этот на первый взгляд циничный и грубый молодой человек. Все чаще в его присутствии у нее случались приступы волнения или забывчивости. Она сбивалась, не могла нормально выразить мысли, стеснялась и всегда очень ждала, когда же он придет к ним вновь. Это была

влюбленность. Первая, детская, настоящая влюбленность. Она думала, что это чувство пройдет, но оно никуда не исчезало.

В свой пятнадцатый день рождения Ульяна решила действовать. Перед ней стояла единственная задача – подружиться. Да, возможно, она была слишком мала, но это же не навсегда, через пару лет возрастные границы сотрутся, поэтому все, что ей нужно – немного подождать. Не кричать о чувствах, не вспугнуть, а просто переждать, ловя в свои цепкие пальчики подходящий момент. Целый год она потратила на то, чтобы хоть как-то подобраться к Громову, обратить на себя хотя бы кроху его внимания, стать другом?! А теперь он говорит ей, что улетает. Вот так просто топчет все, что она бережно выстраивала все это время.

– Ты трус. Боже, как я только могла, как могла в тебя влюбиться? – последняя фраза сама срывается с губ, и девушка отступает, прячет взор и пылающие щеки.

Громов смотрит на нее пристально, детально изучая черты ее лица. Оно не идеально, имеет квадратную форму, вздернутый маленький нос с небольшой горбинкой, обычные, ничем не примечательные губы, немного припухшие подростковые щеки, ярко выраженная ямочка на подбородке. Крупные глаза, с потрясающей синей радужкой, имеют миндалевидную форму.

– Тебе кажется, понимаешь? – касается пальцами Ульяниного подбородка и аккуратно тянет вверх. – Ты еще ребенок, это не любовь.

Девушка тяжело дышит, сглатывает вставший в горле ком, убирая от себя его руки.

– Не называй меня ребенком, – пятится, упираясь в диван.

– Я старше тебя на тринадцать лет, у нас не может быть отношений, – он продолжает давить, говорит то, чего она не хочет, нет, просто в состоянии слышать. Намеренно делает ей больно. – Тебе шестнадцать лет.

– Не может? – вскидывает бровь, обнажая белые зубы. – Скажи мне это через два года! Скажи мне эти чертовы слова через два года, Громов! – Ульяна переходит на крик и полностью перестает себя контролировать.

– Не кричи, сядь, – подает стакан воды, – выпей. Я не знаю, что ты себе придумала, но между нами ничего не может быть. Никогда. Уясни это. Лучше сейчас.

– Хорошо.

Никольская делает большой глоток воды, ставит стакан на стеклянный столик, хохоча во все горло. Ее смех кажется истеричным, но очень быстро исчезает. Девушка закрывает рот, откидывает за спину копну русских длинных волос и резво поднимается с дивана.

Наверное, она даже успокоилась, перемолола услышанное, наверное, она бы сейчас даже ушла. Спокойно, с высоко поднятой головой.

Но спустя минуту, какую-то крохотную, нещадную минуту комнату озаряет чужая улыбка, озорной смех и до жути приторный голосок.

– Милый, я собрала чемодан.

Ульяна смотрит на зашедшую девушку. На ней короткое белое платье и кожаная куртка насыщенного синего цвета. Незнакомка останавливается, перешагнув порог. Внимательно глядит на Степана и нехотя переводит взгляд к Ульяне. Склоняет голову вбок, немного морща нос.

– Степа, это кто?

Уля кусает нижнюю губу и, сложив руки на груди, устремляя взгляд в серые и такие холодные Громовские глаза.

– Она что, летит с тобой? – брезгливо смотрит на брюнетку.

Он кивает. Просто кивает, даже не удосуживаясь ответить словом.

– Я тебя ненавижу, – пожимает плечами, быстро стирая пальцами скатывающуюся по щеке слезинку, – ненавижу, – всхлипывает, глупо улыбаясь и медленно мотая головой в разные стороны.

– Что здесь происходит? Степ?

– А ничего, – Ульяна подается вперед, останавливается на расстоянии шага от незнакомки. – Ничего, – разводит руки и с хлопком опускает их обратно. – Совет да любовь!

Громов прикрывает глаза, запрокидывая голову, вся эта ситуация выводит его из себя. Этот показательный концерт уже давно перешел все границы.

– Я отвезу тебя домой, – с силой сжимает Ульянов локоть.

– Не трогай меня, убери свои руки.

Девушка переходит на крик, вырывается из его захвата и вылетает из гостиной. В глубине квартиры слышится дверной хлопок.

– Степ?

– Свет, потом.

– Кто это?

– Дочка друзей семьи. Не обращай внимания. Собери чемодан, я сейчас вернусь. Простежу, чтобы не натворила глупостей.

Глава 1

Прошло три года с событий пролога...

Переполненный людьми клуб и громкие басы взбудоражили внутренности. Широко улыбнувшись подружке, Никольская с вызовом протянула той бокал, доверху наполненный красным вином.

– Ты же понимаешь, что проиграешь?

Лиза приняла вино и даже сделала один небольшой глоток.

– Ты слишком самоуверенна, Самарина, о-о-о-очень.

Негромко рассмеявшись, Ульяна поднялась из-за стола, обхватила пальцами носок туфли и подтянула ногу к голове, якобы разминаясь. Пышная юбка, которая оказалась шортами, скользнула вверх по бедру.

– Или боишься? – опустила ногу, бросая взгляд в толпу.

– Только не тебя, Ульяша, только не тебя!

Девушки еще перекинулись парой слов и вышли в центр танцпола.

Внимание присутствующих быстро притянулось к этим двум персонам. Ведь это очень интересно: две красивые, стоящие на расстоянии четырех стульев девушки, сжав в руке по бокалу, доверху наполненному алкоголем, встают на исходную позицию.

Ульяна сгибает правую ногу, касается носком колена левой, самое обычное пассе. Плие левой, прямая спина, релеве и девелопе вперед. Вторая позиция и пируэт, еще и еще. Всего лишь забава на выносливость.

Они крутят фуэте, обращая на себя все больше внимания. У Лизки напряженное, сосредоточенное лицо, Ульянино же перекошено улыбкой. Именно перекошено, потому что ее и без двадцати фуэте подряд тошнит от жизни, а эта милая и обворожительная улыбка лишь защитная реакция. Ведь ей должно быть весело, хоть когда-то ей должно быть весело?!

Демьян наблюдает за сестрой с балкона, курит вейп, не рискуя подходить ближе. Толпа фанатов, которая приклеится к его «скромной» персоне, если он спустится вниз, совсем не входит в его сегодняшние планы. Выдохнув порцию густого пара, Никольский ухмыляется, несколько раз хлопнув в ладоши.

Наверное, Ульяна не должна этого замечать, но она видит, видит все до мельчайших деталей: брата, столпившихся людей, их лица, чужой восторг, азарт, исходящий от соперницы.

Двадцать девять... тридцать...

Пульсация в висках сбивает с толку, силы на пределе, пальцы дрожат, и, оступившись, Никольская слетает с дистанции, выплескивая содержимое бокала на мужскую белоснежную рубашку. Прикрывает глаза, немного вытягивая руки в стороны, – балансирует. Ведет взгляд от расплзающегося по некогда белому материалу красного пятна к лицу того, кому досталась порция вина, – замирает. Мир вокруг замирает на доли секунды. Головокружение и тошнота одолевают. Никольской приходится вылететь из зала и лишь краем глаза заметить бегущую за ней Самарину.

Выйдя из кабинки туалета, Никольская умывается и долго стоит перед зеркалом, приводит себя в порядок, смотрит на свое отражение. Крупные миндалевидные синие глаза немного подпорчены краснотой и подтекшей тушью, на губах помада осталась лишь по контуру и выглядит более чем нелепо. Волосы растрепались, а некоторые мокрые пряди прилипли к таким же влажным щекам. Оторвав кусок бумажной салфетки, Уля нервно стирает с губ остатки помады, отмотав еще немного, промакивает лицо и засовывает в рот полпачки жвачки. Прожевывает несколько подушечек подряд и выплевывает их в мусорное ведро.

Не дожидаясь Лизку, берет на बारे мохито, замечая наверху расхаивающего с голым торсом мужчину.

Прикусив черную трубочку, несколько секунд пристально туда смотрит, потирает пальцами циферблат часов и, оставив высокий стакан на стойке, поднимается туда, показывая секьюрити браслет для входа в ВИП-зону.

Дёма машет ей рукой, подзывая к себе, но она уверенно идет в другую сторону.

Сейчас, под действием адреналина и пары бокалов вина, ей кажется, что она просто обязана извиниться за столь ужасное поведение и испорченную рубашку. Почему-то у нее нет сомнений, что именно этот человек пять минут назад был облачен в белоснежный материал.

Ульяна спешно огибает высокую, широкоплечую фигуру, поправляя низ коралловых шорт.

– Простите, я не хотела, – кусает губы, преданно смотря в его глаза, а сердце... Кажется, сейчас оно вырвется наружу.

Этого не может быть. Широкие скулы, крупный нос, фосфорящийся светло-серый, ледяной взгляд и до ужаса грозный вид. На груди множество сплетенных воедино татуировок, какие-то черные, какие-то цветные. Они очень гармонично смотрятся на мускулистом теле.

Ульяна его знает... знает человека, стоящего напротив. Да, он изменился, стал еще более далеким, но она уверена, что это он. Громов – это единственное, что сейчас крутится в ее голове.

На мужчине нет рубашки, поэтому глаза без зазрения совести изучающе бегают по мужской мускулатуре – широким плечам, крепкому торсу, напряженным бицепсам и вздутой венке у запястья.

Огромные ладони касаются ее предплечий. Мужчина внимательно изучает Ульяну глазами, хотя, возможно, ей это просто кажется. Вероятно, Никольская просто накрутила свое сознание. А молчание, повисшее между ними на целую минуту, сводит с ума еще больше, сердце готово выпрыгнуть, дыхание сбивается. Но, несмотря на все ее опасения, Степан просто отодвигает девушку чуть в сторону и, словно ее тут вовсе не было, идет вперед.

Неужели он ее не помнит? Внутри бушуют эмоции, но Уля старается держать их при себе, нагло шагая следом.

– Я просто не смогу уснуть сегодня, если не услышу, что ты меня простил, – улыбается как дура, а внутри умоляет его приглядеться повнимательнее, вспомнить.

Но нет, он ее не помнит. Совсем.

– Девочка, домой иди, – бросив сквозь зубы, мужчина открывает дверь в кабинет.

Они уже успели пройти по узкому и малоосвещенному коридору вглубь помещений, скрытых от глаз посетителей этого заведения.

Ульяна колеблется, ей не дает покоя эта встреча, она не может уйти просто так. Это непозволительно. Но больше всего ее раздражает его безразличный к ней вид. Он ее не узнал. Совсем.

Конечно, это неудивительно, за те три года, что они не виделись, она кардинально изменилась. Отстригла половину длины волос, перекрасилась из мышиного русого в теплый, золотистый блонд, изменила форму бровей, сделала перманентное напыление. Вколола гиалуронку в губы, заполнила филлером подбородок, сделав его острее, а скулы – более выраженными. Теперь ее лицо больше не было похоже на квадрат, а подбородок не «украшала» уродливая ямочка. Верхушкой пирога стала ринопластика, чтобы избавиться от проклятой горбинки, плюс немного косметики, и можно смело сказать, что теперь Ульяна Никольская совершенно другой человек.

– Познакомимся?

Она настырно пошла следом и, вновь оказавшись перед его глазами, протянула изящную руку, указательный палец которой украшало кольцо с бриллиантом из белого золота.

Громов проигнорировал ее жест. Открыл кабинет, у которого, собственно, и остановился, перешагнув порог, включил свет и, достал из шкафа еще одну рубашку. Но на этот раз черную. А ведь ей так понравился спящий глаз белый.

– Такой грубиян, – Никольская надула губы и чуть громче, чем хотела, хлопнула дверью, оказываясь внутри.

– Выйди отсюда, – последовало почти сразу.

– А если нет? Поругаешь?

– Слушай, чего тебе нужно? – Громов надавил пальцами на крышку стола, бросив на девочку раздраженный взгляд. Ему порядком поднадоел этот цирк. Эта пустоголовая девица абсолютно не понимает слов.

– Не знаю, – пожала плечами. – Может, скажешь, как тебя зовут?

Она улыбается ему в лицо, словно ждет чего-то особенного. Этот взгляд отличается от поплывшего и немного затуманенного взора баб, откровенно себя предлагающих. Но Громову нет до этого дела. Он зол и уже давно жалеет, что приехал на это чертово открытие.

Заметив на столе стопку визиток, девочка подцепляет одну пальцами, читая вслух:

– Аркадий Хаски. Владелец... – отнимает карточку от лица, хмурится и глядит на него с сомнениями. Обогнув стол, усаживается в огромное кожаное кресло. Задирает голову, продолжая смотреть на Степана глазами снизу вверх.

. Громов наконец-то вглядывается в такой знакомый, истинно синий цвет радужки.

Ульяна? Прищуривается, на доли секунд теряя ориентир в пространстве. Тщательнее изучает ее лицо, ее слегка подправленное лицо. Сделанный нос. Это бросается в глаза, теперь, когда он наконец взглянул на нее при свете ламп. И как он не заметил ранее? Очень сомнительное качество, ее оперировал настоящий коновал. Несколько уколов, цвет волос... Это она, он точно не может ошибаться. Это Ульяна.

Громов почти нависает над ней, смотрит сверху вниз, а Никольская чувствует себя какой-то букашкой, если он сейчас хлопнет, ее точно размажет по стенке.

Она подтягивается в кресле, приподымается и, перевернувшись, упирается коленями в сидушку, вытягивает руку, касаясь тыльной стороной ладони его щеки. Замирает, немного разомкнув губы. Дыхание учащается, как и сердцебиение.

Все происходит слишком быстро, в порыве. Губы соприкасаются, а мужские пальцы резво и с толикой боли зарываются в Ульянины волосы, тянут вниз и так же быстро отстраняются. Степан сжимает ее запястья, стаскивает с кресла и, не дернув ни единым мускулом на лице, выставляет ее за дверь.

Никольская не пытается сопротивляться, тело охватывает немой ступор. Срабатывает эффект неожиданности. Оказавшись в коридоре, она закусывает внешнюю сторону запястья и сползает к полу. Убрав от лица руки, широко улыбается, ощупывает себя ладонями. Пальцы предательски дрожат. Не узнал. Он и правда ее не узнал.

Глава 2

На кухне горит свет, поэтому, подойдя к дому, Ульяна поочередно поднимает ноги, сгибая в колене, и снимает с них черные туфли на высоком каблуке. Проскальзывает в прихожую воришкой, бесшумно стягивая с плеч кожаную куртку. Аккуратно ставит каблуки на полку и на цыпочках крадется к лестнице. В гостиной, которую она пересекает перебежками, загорается торшер. Его мягкий свет заливает комнату.

– Ты время видела? – Олеся Георгиевна одаривает дочь испепеляющим взглядом. – У тебя завтра репетиция, как ты только можешь шлаться всю ночь невесть где? Тебя утвердили на Одетту, ты хотя бы представляешь зону своей ответственности? Представляешь, насколько тебе повезло? В твоём возрасте это практически невозможно! Другие жертвуют всем, кладут к пуантам жизнь. А ты? И это моя дочь, моя дочь.

Мама грациозно взмахивает рукой, несмотря на то, что злится, несмотря на то, что это жест осуждения. Даже осуждение в мамином исполнении выглядит усладой для глаз. Элегантно, с каким-то присущим лишь ей шиком. Ульяна поджимает пальчики на ногах, упираясь ладонью в перила. Без слов наблюдает за устроенным мамой представлением. Слушает. Даже делает вид, что внимает наставлениям, стыдится своей безалаберности, потому что проще признать, чем что-либо доказывать.

Мама никогда не изменится, мама реализует в Ульяне свои мечты и надежды. Она всю жизнь протанцевала в кордебалете, последние партии, но при этом отдала этому искусству душу. Теперь хочет вытряхнуть ее из Ульяны.

– Что с глазами? – пальцы касаются девичьих щек. – Ты пила? Ты что, пьяна?

– Давай поговорим завтра, – Никольская открывает рот, но делает себе лишь хуже.

Олеся Георгиевна впадает в бешенство, разжимает пальцы, смотря на дочь с отвращением.

– От тебя несет вином, как от уличной девицы. Уйди с моих глаз, убирайся в свою комнату. Кого мы вырастили? Кого воспитали? Ты неблагодарная, неблагодарная!

Ульяна бесшумно идет наверх, продолжая ловить в спину материнские колкости. Истерика уже давно охватила все существо старшей Никольской. Она сдавливая пальцами виски, продолжая кричать вслед дочери унижительные вещи, и не может остановиться. Столько надежд, столько сил она вложила в Ульяну, сколько разочарований и боли испытала, а теперь все рушится, как неустойчивый картонный домик. Девочка гробит свою жизнь, зарывает свой талант в землю. Один этот нос только чего стоит, а губы? Она превращает себя в распутную девку. Какой из нее теперь лебедь?

Ульяна с печалью в глазах закрывает дверь своей комнаты на замок, присаживается на незаправленную еще с утра кровать, смотрит на подрагивающие пальцы, снимает тяжелое кольцо и кладет на прикроватную тумбочку.

Утром звонит будильник. Никольская успевает поспать всего пару часов. В восемь ей уже необходимо быть в театре. Быстро умывшись и почистив зубы, Ульяна надевает спортивный костюм, кроссовки, берет из гардероба сумку, зачесывает волосы в высокий хвост. На кухне уже всю кипит жизнь. Мать провожает ее суровым безмолвным взглядом, на душе становится гадко.

Оказавшись на улице, девушка садится в свой лимонный «Опель Мокко» и плавно трогается с места. По дороге заезжает в МакАвто, берет самый большой и крепкий кофе. Голова раскалывается, но не от похмелья – нет. Она ломится от мыслей. Тело натянуто словно струна, оно еще помнит небрежные, но довольно твердые касания. Перед глазами Громы. Что за наваждение? Почему он опять появился в ее жизни подобно зависимости? Кажется же, прошло три

года. Три года, но ничего не изменилось. Она все так же искренне любит этого человека. Сходит по нему с ума. А он все так же напоминает ей ледяную глыбу. Непрístupную. Молчаливую.

В репетиционном зале Никольская приступает к разминке. До спектакля осталось чуть больше месяца, мама права, получить главную партию почти сразу после академии сродни чуду, и, наверное, она действительно не ценит этого подарка судьбы. Пытается настроиться, но мысли далеко, слишком далеко от нежной Одетты.

Руки кажутся неподъемными, все движения получаются картонными, кривыми. Худрук, пришедший на репу лично, кричит, нет, бьется в истерике, в какой-то момент ей прилетает указкой по плечам, которые она никак не может расправить. Грудь сжимается, ее душат воспоминания. И все по кругу, взмах руки, вторая позиция, неловкое падение. Нервы на пределе, вокруг ее персоны разворачивается настоящий скандал. Ей необходимо собраться.

– Арабеск, твою мать! – вновь крики. – Выйди, пошла вон отсюда. Приди в себя!

Звенящая тишина закладывает уши. Никольская оказывается за дверью репетиционного зала, накрывая лицо ладонями. Спустя несколько минут решительно возвращается в зал, приносит извинения.

Музыка нарастает, Ульяна старательно исполняет свою партию, кружит над полом, преодолевая свой предел. Когда все заканчивается, чувствует себя неживой. Выжатой, полностью обессиленной морально.

На выходе из театра ее догоняет Лизка. Небрежно хватая под локоть, печально улыбается.

– Что с тобой? – подстраивается под шаг подруги.

– Не знаю. Все из рук валится.

– Куда ты вчера пропала?

– Лиза, это настоящий кошмар.

Ульяна облизывает сухие губы, отводит взгляд в сторону.

– И?

– Вчера в клубе я встретила с Громовым.

– С кем? – Лиза зависает на пару минут, пытаясь отыскать в своей памяти до боли знакомую фамилию. – Подожди, так он же в Штатах.

– Видимо, вернулся. Он меня не узнал. Представляешь?

– Ну, так-то ты очень изменилась с академии.

Самарина училась с Ульяной в одной академии, у них были совместные классы и слишком поверхностная дружба. У Никольской такая дружба была со всеми, потому что все они были соперниками, она почти не помнила времена, когда не стояла у центрального станка, не помнила и совершенно не хотела вспоминать. Дружба и все эти девичьи радости могли легко сбить ориентир. Она яростно хотела доказать матери, что может. Ульяна отчаянно хотела услышать в свой адрес похвалу, но маме всегда было мало. Всегда.

– Может быть. Наверное, я себе напридумывала, как и тогда.

– Пошли перекусим.

– Идем. Во сколько вечерняя?

– В шесть. Как хорошо, что завтра понедельник. Умираю уже, хочу просто повалиться в кровати. А ты чем займешься?

– Судя по тому, как я сегодня отожгла, буду впахивать.

– Ужас какой. Никогда тебя не понимала...

Лиза пожала плечами, и девушки направились к недалеко расположенному вегетарианскому кафе.

Самарина всегда была такой, без претензий. Ее устраивали ее партии, она не стремилась в примы, и Ульяна зачастую не понимала, для чего вообще Лизка пошла в балет. У нее были шикарные данные, выдержка, сила воли, но не было никаких стремлений. Она и в театр-то

попала по случайности. По той же самой случайности они стали общаться. Никольская тогда тоже только пришла, заметила знакомое лицо. Лизка подошла первой, начала разговор о какой-то ерунде так, словно они старые друзья. Поначалу Уля не понимала этого общения, ей вечно казалось, что Самарина вот-вот выкинет какую-то гадость. Так прошло полгода. Подставы не последовало, а вот их отношения в корне изменились. Стали поистине дружескими.

– И что будешь делать? – Лиза вытерла пальцы салфеткой, с любопытством посмотрев на подругу.

– Не знаю. Но мне кажется, что мы еще не раз увидимся.

– Это же отлично!

– Не уверена. Вообще-то у меня свадьба через два месяца.

– Ты сказала Максу «да»?

Ульяна неуверенно кивнула, а подруга громко выдохнула воздух.

– Серьезно?

– Более чем.

– Да, дела, подруга. А что, если... что, если в этот раз у тебя все получится с Громовым?

Вдруг он вернулся не просто так?

– А я ничего от него не хочу. Мне он не нужен.

– Ну-ну.

– Хотя, ты знаешь, кое-что я все-таки желаю.

– Что именно?

– Хочу, чтобы ему было так же плохо, как и мне когда-то.

– Теперь ты его окрутишь? А то что он там все где-то бегаёт!

Ульяна заливисто рассмеялась, несколько раз покивав.

– Возможно. Как он мне тогда сказал, между нами ничего не может быть? Вот и посмотрим. Надолго ли его хватит.

– Слу-у-ушай, – встрепелась подруга, – а если у него кто есть?

– А мне, Лизонька, совершенно нет до этого дела.

– А как же Макс?

– А он ничего не узнает. Ближайшие три недели мой будущий муж будет в командировке.

– Значит, устроишь Громову план «Перехват»?

– О, еще какой, – кровожадно улыбнулась, обхватывая губами алую трубочку, украшающую безалкогольный коктейль.

После вечерней репетиции Никольская вернулась домой еле живой. Если утром она была слегка подбитым лебедем, то вечером точно умирающим.

Ульяна кинула машину у дома, не стала заезжать в гараж. Переступила порог, положила ключи на полку по правую руку от двери, зажгла свет. Стянула ветровку и сунула ноги в тапочки. Заглянула на кухню, папа сидел за столом, что-то пролистывая на планшете. Увидев дочь, отложил в сторону гаджет и мягко улыбнулся.

– Привет, – Уля чмокнула отца в щеку и присела на соседний стул, – ты чего тут один? Где мама?

– В ванной. Ароматерапия у нее.

– Ясно.

– Вы опять поссорились? – поинтересовался отец.

– Так, – отмахнулась, поднимаясь на ноги.

Ульяна старалась не смотреть на отца. Достала кружку, налила в нее кипяток и кинула ложку растворимого кофе. Если бы это увидела мать, то обязательно бы сказала, что кофе портит цвет зубов и такими темпами дочери вскоре придется бежать к стоматологу за винирами. Мама всегда пыталась уколоть. А после того как Никольская сделала нос, сорвалась со всех цепей, постоянно цепляясь к этому исправленному элементу ее тела.

– Не обижайся. Она просто очень нервничает, эта твоя Одетта не дает ей покоя. Ты же знаешь, как мама когда-то хотела ее танцевать.

Отец поджал губы, стараясь скрыть печаль. Олеся Георгиевна всю жизнь жила балетом, но не имела особых талантов. К сожалению, в ее случае просто упорства оказалось слишком мало. Проходили годы, она не молодедела, но продолжала трудиться, хоть и понимала, что теперь-то ей точно ничего не светит.

Ульяна отхлебнула из кружки кофе и вновь вернулась к отцу, только теперь присела напротив.

– Я понимаю, пап, правда понимаю. Но чем дальше, тем хуже. С ней становится невозможно общаться. У нее мания. Это ненормально.

– Ульян?!

– Ладно, прости. Спокойной ночи.

– Спокойной. Кстати, завтра на вечер ничего не планирую.

– А что?

– Демьян вернулся, нужно собраться по-семейному.

– Точно, братик уже в городе. Заметано.

– Максим приедет?

– Он улетел в командировку, еще в четверг.

Глава 3

Громов бегло застегнул пуговицы на светло-синей рубашке, поправил ремень брюк, посмотрел за свою спину через ростовое зеркало. Карина уже успела натянуть чулки и даже упаковать свой пышный бюст в платье.

– Степ, тебе правда пора уходить?

– Прости, дел по горло, – пожал плечами с присущим ему безразличием.

Степан подхватил пиджак, висящий на спинке стула, натянул его на широкие плечи, поправил манжеты, прошелся пальцами по темным лацканам и развернулся к Карине лицом. Коснулся ее запястья, улыбнувшись каким-то своим мыслям. Он намеренно не произносил ее имени вслух, потому что не мог быть уверенным, что ее на самом деле зовут Карина.

– Созвонимся, – разжал пальцы и вышел из спальни.

Девушка побежала следом – провожать, но все ее телодвижения его раздражали. Оказавшись на лестничной клетке, мужчина выдохнул, вытащил смартфон из внутреннего кармана пиджака, обнаруживая там более десяти пропущенных. Три с работы, остальные от Светки. Свайпнув по экрану блокировки, перезвонил в клинику. Очередная консультация. А он надеялся приехать сегодня позже. Первая операция назначена только на два.

Спустившись во двор и окинув небольшую парковку взглядом, Громов сел в черный ягуар, подсоединил смартфон к зарядному устройству, переключил машину в драйв и плавно тронулся с места.

На работе не успел перешагнуть порог, как перед его лицом появилась Лера.

– Степан Арсеньевич, через полчаса консультация. Морозова, та, которая с маммопластикой.

– А что там?

– Переделывает. Сэкономить хотела, она у Васнецовой в прошлом году уже так нос исправляла. В регион куда-то летала, вот ее там и прооперировали.

– Понял. А почему ко мне? Васнецова где?

– Так в декрете. Месяц уже.

– Вспомнил, – бросил на ходу, – кофе принеси и карточку Морозовой, все в кабинет, – ускорил шаг, заворачивая к себе.

Валерия кивнула и исчезла в направлении зоны кофемашин.

Громов открыл дверь, снял пиджак, аккуратно вешая его в шкаф. Оттуда же вытащил бледно-зеленый хирургический костюм и белоснежный халат. Поморщился от звука звонящего телефона, нехотя перевел глаза к дисплею. Света, чтоб ее.

– У меня мало времени, – произнес отрывисто вместо приветствия.

– Некогда? Ты дома не ночевал! – беснуясь выкрикнула благоверная.

– У меня работа, много работы, – отрезал ледяным тоном, – мне некогда разговаривать, пациент.

Закинул телефон в ящик. Принял душ, переоделся, когда вернулся за свой стол, на нем уже стояла чашка кофе, а рядом лежала карточка пациентки. Через пятнадцать минут в кабинет ворвалась женщина. Хамоватая, с ярко выраженным агрессивным настроением. Долго поливала грязью врача, к которому сама же легла под нож, потому что дешевле. После немного успокоилась, наконец-то присела на стул. Громов слушал ее молча. Иногда кивал. Было интересно, насколько еще хватит ее запала.

– Все? – уточнил с нажимом в голосе.

Дамочка поджала губы, прижимая к груди небольшую сумку-саквояж.

– Когда вы сможете это исправить? – коснулась своей груди.

– Для начала все же давайте проведем осмотр, – надел перчатки, – снимайте верх.

После нескольких манипуляций Степан стянул с рук белый нитрил и выбросил в урну, запустил принтер. Распечатав, пробежал глазами по буквам и вложил лист в карточку.

– Я возьмусь за ваш случай. Сегодня в течение дня с вами свяжется моя ассистентка, обсудите с ней дату следующей консультации, там определимся с имплантами, датой, ценой.

– Но мне нужно как можно быстрее! – никак не могла уняться Морозова.

– Нужно быстрее, тогда подыщите другого специалиста, – отрезал Громов, вновь взглянув на часы. Любезность явно не была его сильной стороной.

Женщина еще немного посокрушалась, но распрощалась с ним уже с улыбкой, правда, напоследок все же от души шарахнула дверью. Громов не повел и бровью, лишь с легкой руки исправил сумму за намечающуюся операцию и отдал бумаги ассистентке.

После этого хлопка дверью внутри поселилось беспокойное ощущение, оно преследовало его еще с прошлой ночи. Девчонка оказалась для него сюрпризом. Никольская и пару лет назад вызвала в нем бурю странных, неконтролируемых эмоций. Он не понимал их, да и не желал разбираться в происходящем. Три года назад он смог сбежать от этого влечения, от мешающих жить эмоций. Грязных, неправильных. Светка тогда появилась очень вовремя, отвлекала, заполняла его внимание собой.

Это отвратительно, когда тебя влечет к девчонке-подростку, ненормально. Ульяна всегда выглядела старше, была сообразительной, умной, и в какой-то момент он понял, что она ему нравится. Нравится как девушка. И чем осознанней становились эти мысли, тем сильнее он старался от нее отдалиться. Предложение от клиники в Штатах подвернулось очень вовремя, в тот момент, когда ему было необходимо сменить обстановку, абстрагироваться, улететь как можно дальше. Да и колоссальный полученный там опыт давал кучу преимуществ.

Не сказать, что он как на духу мог сейчас вспомнить испытываемые тогда эмоции в отношении этой девушки, но то, что они были – несомненно. Какая-то затмевающая разум буря. За последние три года он больше не испытывал этого обреченного чувства, а теперь оно возродилось и не могло сулить ничего хорошего.

Громовской прерогативой всегда была прагматичность. Он строил свою карьеру, любил то, что делает, и не хотел отвлекаться, размениваться на интрижки, способные выбить почву из-под ног. Эта всеми любимая игра в любовь была не для него.

Сунув телефон в карман халата, Степан спустился этажом ниже, заглянул к пациентке, которую уже скоро начнут готовить к операции. Сам он редко вел душевные разговоры и оказывал моральную поддержку. Он не психолог, он хирург, а чтобы унять предоперационную панику, существовали специальные люди.

Домой вернулся после десяти, четыре операции, ворох документов и надоедливые мысли никак не давали закончить этот бумажный бум быстрее.

Света ждала его на кухне. Сидела в самом коротком и самом прозрачном халате из всего ее гардероба. Когда Степан зашуршал одеждой в прихожей, девушка соскользнула с высокого стула и, мягко ступая по паркету, пошла на звук.

– Привет, – улыбнулась, словно и не она вовсе билась в истерику и приступах ревности этой ночью.

– Привет, – даже не взглянув на Талашину.

– Ужинать будешь? Я запекла утку.

Громов кивнул, вымыл руки, сел за стол, аккуратно поправил черную салфетку, лежащую под белой плоской тарелкой.

– Как дела на работе? – Света присела напротив, пододвинула Степе соль, перец и корзиночку с хлебом.

– Нормально.

– Устал, да? – хотела коснуться его запястья, но он убрал руку.

– Терпимо.

– Может быть, развеемся на выходных? Сходим куда-нибудь.

– Посмотрим.

Света нервно поджала губы, но не собиралась отступить.

– Кстати, твоя мама звонила, сказала, ты был недоступен.

Громов впервые за вечер поднял взгляд к Светиному лицу и даже проявил какую-то заинтересованность.

– Что хотела?

– Они приглашают нас на ужин, завтра. Тихий, семейный ужин. Мы же как вернулись четыре месяца назад, они уже в Германию укатили, так и не виделись до сих пор. Оксана Олеговна сказала, что они завтра утром прилетают.

– Во сколько ужин?

– Часиков в семь...

– Хорошо. Я заеду за тобой после работы.

Света расплылась в улыбке, хотела что-то добавить, но ее прервал телефонный звонок, на который Громов ответил, даже не взглянув на экран. Света тут же представила, как долго он смотрит на дисплей во время ее звонков, а после выключает звук, чтобы льющаяся из динамика мелодия не отвлекала его от очередной шлюхи.

– Натаха, тебе чего? – Степан немного повысил голос, но интонация была более чем дружелюбная.

– Степочкин, ты где? Ты занят? – послышалось в трубке, и Света крепче стиснула зубы.

– Дома, только вернулся.

– Отлично. Приезжай в «Бельмонд Гранд».

– Ты в Питере?

– Блин, ты вообще мои истории не смотришь, что ли? Конечно, утром прилетела.

– Люди, между прочим, работают, в отличие от некоторых.

– Громов, ты бяка. Ну составь компанию.

– Токману позвони, вот он рад будет. Оперативно тебе компанию сообразит.

В трубке повисает молчание. Света еще сильнее наостряет уши, стискивая пальцами белую бумажную салфетку.

– Ладно, найду себе развлечение без тебя. И да, когда понадобится помощь, на меня не рассчитывай.

– Так бы сразу, Азарина, шантаж – это явно твое. Жди, скоро буду.

– Целую.

Громов продолжает сжимать смартфон в руке, но убирает его от лица. Делает глоток яблочного сока и поднимается на ноги.

– У меня деловая встреча, – оповещает будничным тоном, словно Света не была свидетелем этого разговора.

– Вообще-то я все слышала. Деловая? И когда это твоя Свобода вдруг стала деловой?

– Давай без скандалов. Вернусь поздно, не жди, – торопливо, словно для какой-то отмазки целует Талашину в щеку и выходит из кухни.

Света смотрит ему в спину и раздосадованно швыряет на стол салфетку, которую она до этого сжимала в руке. Три года, три года она закрывает глаза на шлюх, безразличие и это отвратительное отношение. Нет, Громов не орет, не поднимает на нее руку, дает денег, помогает в ее карьере косметолога, но при этом ведет себя как полный мудака.

Ему абсолютно без разницы, что с ней, где она. Эти отношения ничего для него не значат. Они для него **не** более чем приложение к его насыщенной повседневной жизни. Выдохнув, Света убирает тарелки в посудомоечную машину, потуже затягивает пояс халата, в очередной раз решая, что ей необходимо действовать хитрее и мягче.

– Степочка, я так рада тебя видеть, – распахнув дверь, Азарина кидается ему на шею.

– Ага, я тебя тоже, – отдирает Наташу от себя, ставя на пол и удерживая за талию на вытянутых руках.

Наташка высокая, но чересчур тощая брюнетка, на лбу которой написано – стерва.

– Грубиян, – надувает губы, но быстро отходит, – у меня съемки ночью, это к вопросу, что я тут делаю.

– Что снимаете? – Громов садится в кресло у окна.

– Да для шоу сцену. Как дела на работе?

– Отлично.

– Это очень хорошо, – хитро улыбается, слегка поправляя шикарную шевелюру.

– Слушай, Свобода, тебе чего от меня надо?

– Чего надо, чего надо. Я по дружбе, очень старой и крепкой дружбе. Сколько мы друг друга терпим? Лет десять?

– С Суворовского.

– Вот, когда мой Серенька кадетом был? Десять лет назад.

– Пятнадцать.

– Тем более.

– Хитришь же, Натаха.

– Хитрю, – усаживается на огромную кровать и закидывает ногу на ногу.

– Ну?

– Ты Ванечку давно видел?

– Месяца два назад пересекались.

– И как он?

– Ты серьезно только за этим позвала?

– Нет, конечно, – раздраженно откидывает волосы за спину, – у меня к тебе дело.

– Какое?

– Короче, я хочу увеличить грудь.

Громов опускает взгляд к Наташкиной двойке и вновь возвращается к лицу, потирая подбородок.

– Не смотри так, – нервно кусает губы, – да, я хочу сиськи побольше. Что в этом плохого?

– Да ничего. От меня-то чего хочешь?

– Посоветуй клинику, импланты, я бы с удовольствием легла к тебе под нож, но ты сам знаешь, это моментально просочится в прессу, какой бы уровень конфиденциальности у нас ни был. Хочу все сделать тихо, за границей.

– Думаю, я знаю, кого тебе посоветовать. А Ванечке при следующей встрече я обязательно от тебя привет передам, вот он обрадуется.

– Не смей, – Наташа резко подается вперед, – не смей, слышишь?

– Да ладно тебе.

– Хотя какое мне до этого дело. Позвони, как договоришься.

– Позвоню.

– А, у меня в следующем месяце концерт, приглашаю, – протягивает несколько ВИП-билетов, – новая программа.

– Ты разочаруешься, но я и старую не видел, – разводит руками.

– Все, вали, Громов, мне нужно еще к съемкам подготовиться.

– Язва.

Распрощавшись с Азариной, Степан еще около часа катается по ночному Невскому проспекту. Возвращаться в квартиру нет смысла, Светка еще бодрствует. Все чего-то ждет. С ней удобно, с ней действительно очень и очень удобно. Она ничего не требует, делает все так, как

он ей говорит, в какой-то степени она идеальна. Идеальна для отношений. Он ее не держит, никогда не держал, но и выгонять повода не было. Она всегда ждет, всегда поддержит, с его работой и графиком это лучший вариант.

Глава 4

– Проснулась? – спрашивает Олеся Георгиевна и ставит на стол вазу с ромашками. – Приведи себя в порядок, у нас будут гости.

Ульяна достает из холодильника минералку, скручивает крышку, делает пару глотков, сама же направленно заглядывает в огромное зеркало прихожей. Крутится вокруг своей оси, отнимает горлышко от губ, пожимает плечами.

– Разве я плохо выгляжу? – в упор смотрит в материнские глаза.

– Отвратительно, ровно так же, как себя ведешь.

– Ну прости нахалку, – ставит бутылку на столешницу, стараясь не провоцировать скандал. Мама заведется с пол-оборота, а успокаивать ее придется всем семейством.

– Она еще и издевается, – летит Никольской вдогонку, пока она взбегает по лестнице на второй этаж.

Олеся Георгиевна вновь причитает о том, насколько бесполезна и неблагодарна ее дочь. Ульяна же поднимается в комнату, решив выбрать платье к предстоящему ужину. Пока внизу кипит жизнь, она перебирает свой гардероб, останавливаясь на простом, достаточно свободном платье выше колена цвета марсала. Этот оттенок прекрасно подчеркивает глаза, делая их синий более глубоким.

В семь дом наполняется запахами. Мать вытаскивает из духовки индейку, отец приносит ребрышки из коптильни и ставит на стол пару бутылок с алкоголем. Ульяна подкрашивает ресницы тушью и неторопливо спускается в гостиную. Хотя, может, лучше будет уйти до начала? По крайней мере после мама не обвинит ее в том, что она испортила им вечер.

Винтовая лестница скрывает половину гостиной, и Никольская почти не видит пришедших, но, судя по голосам, ужин уже давно перестал быть семейным, возможно, приехали какие-то коллеги отца.

Сбежав вниз, девушка широко улыбается и задорно спрыгивает на паркет с последней ступеньки.

– Всем доб...

Делает неуклюжий шаг назад. Кровь в момент превращается в чистый байкальский лед. Пальцы впиваются в поручень лестницы. На лице все еще пластиковая маска, широкая улыбка, приветливость, но невероятно испуганные этой неожиданностью глаза. Кажется, ее сердце начинает биться медленней.

Громов. Он стоит напротив, так близко, всего лишь на расстоянии пары шагов. Холодный взгляд, от которого по коже разбегаются мурашки. Он точно не рад этой встрече, это видно. Напряжение в комнате нарастает, или же Ульяне так только кажется.

Он бесстрастно улыбается, что-то говорит, ставит на стол бутылку вина и, слегка протянув руку, сжимает в ней изящную женскую ладонь.

А ведь Никольская ее даже не заметила. Немного растерявшись, она переводит взгляд к стоящей рядом с Громовым девушке. Высокая, кареглазая, темноволосая с длинными ногами. На ней узкая офисная юбка и удлиненный пиджак в серую клетку. На глазах очки в черной оправе, а волосы убраны в высокий хвост. Света. С ним рядом все так же Света.

– ...добрый вечер, – Уля выжимает из себя остаток приветствия с невероятным трудом и быстро прижимает пятую точку к стулу.

Неловкость зашкаливает. Теперь брошенные Лизке слова не кажутся легкими. Теперь она не смеется, не строит коварных планов. Здесь и сейчас перед ней стоит одна-единственная задача – пережить этот вечер. Поджав губы и сгруппировавшись, Ульяна старается отстраниться от происходящего, спрятаться за высокой стеной, которую она по кирпичику выстраивает в своей голове.

Олеся Георгиевна мастерски переводит внимание на себя. Хлопочет вокруг гостей, которыми оказались семья Громовых и эта выскочка Света, приглашает всех к столу, отец усаживается во главе, быстренько разливая алкоголь по бокалам. Касается руки жены и, притянув ее к своему рту, целует тыльную сторону ладони.

Ульяна сидит неподвижно, гипнотизируя тарелку. Решает, что делать дальше.

– Ульяночка, ты же помнишь Степу? – вклинивается мама и заботливо кладет в тарелку салат. – Ребята, вы накладывайте, накладывайте, – подгоняет всех в привычной ей манере. – Дочка, ты меня слышишь?

– Помню, – натянуто улыбается, стискивая пальцами высокий фужер с вином.

За столом начинаются разговоры, в основном о медицине, каких-то достижениях, деньгах. Мама рассказывает про их с отцом последний отпуск в Исландии. Ничего интересного и стоящего. Пока все они заняты болтовней, Ульяна несколько раз тайком посматривает на Степу, нервно барабанив пальцами по столу. Ужасный вечер, почти самый мерзкий вечер в ее жизни.

– Ульяна, ты тоже будешь врачом?

– Что? – сосредотачивает внимание на Свете.

– Пойдешь по стопам Артура Павловича?

Ей правда это интересно? Никольской так и хочется закатить глаза, но маменька смотрит на ее физиономию слишком пристально, не хотелось бы ее расстраивать.

– Нет, я профессионально занимаюсь балетом, с трех лет.

– Серьезно?

– Нет, вру, – все же закатывает глаза, замечая Громовский интерес к своей скромной персоне.

– Я что-то не так сказала? – Светочка подбирается, часто хлопает глазками и нервно улыбается.

– Света, не обращайтесь внимания, наша Ульяна часто поднимается не с той ноги.

В прихожей открывается дверь, и Ульяна незамедлительно вскакивает из-за стола.

– Дёма! – чувствует брата на каком-то сверхчеловеческом уровне. Он еще не зашел и даже не подал голос, но она уже знает, что это Демьян.

Выбегает из гостиной, бросаясь на шею к брату.

– Дёма, как хорошо, что ты приехал.

Никольский крепче обнимает сестру за талию правой рукой и, приподняв над полом, шагает в гостиную.

– Всем добрый вечер, – отпускает Ульяну, – мама, очаровательно выглядишь.

Женщина горделиво выпрямляет спину, улыбается. Демьян вручает ей букет цветов, пожимает руки присутствующим мужчинам и садится рядом с сестрой.

Разговоры становятся громче, льются непрекращающейся рекой.

– ...он же даже не сказал, что вернулся, – в какой-то момент до Ульяны долетает голос Оксаны Олеговны, матери Громова, – мы в Германию улетаем, а они возвращаются. Так вот еще на четыре месяца разминулись.

– Оксана, и как ты только пережила, – начинает старшая Никольская в привычной ей манере, – я бы с ума сошла. У нас Демьян пока на сборах, я места себе не нахожу. А теперь еще вот и в Москву собрался переезжать. Этот его новый клуб.

– Олеся, это же прекрасно. У мальчика талант. Я как узнала, что Дёмочка в сборной, так впервые в жизни чемпионат мира смотрела.

– Да уж, эти талантливые детки. Ульянке вот главную партию дали. Саму Одетту, а она по клубам ночами шляется. И как тут реагировать, Оксан, вот как? – сетует старшая Никольская, начиная разглагольствовать о безответственности дочери и вспоминать свое прошлое, неосознанно повышая голос.

Громов в который раз поднимает стопку, чокаясь с отцом, Дёмой и Артуром Павловичем, вливает в себя ее содержимое залпом.

Все подобие хоть какого-то настроения пропало сразу, как только Ульяна спустилась в гостиную.

В клубе он заметил ее случайно. Вникнул в Аркашин рассказ и, невзначай обернувшись, пригляделся к столпившимся внизу людям, не сразу сообразив, что там вообще происходит.

Когда спустился, еще долго не признавал, что это она. Но сомнения развеялись позже, в кабинете. Это была Ульяна. Красивая, изящная, но совершенно другая. Эти три года очень сильно ее изменили.

Так некстати разлитый бокал вина и огромное красное пятно на белой рубашке дали им шанс уединиться. Он и правда ее не узнал, сначала не узнал. Все те же глаза девочки-мечтательницы разлились с внешним видом из его воспоминаний.

Когда вернулся из Америки, думал, что все, что он чувствовал тогда, было лишь иллюзией. Переизбытком тестостерона, но, столкнувшись с ней в этом чертовом клубе, дотронувшись, мог твердо заявить, что его теория рушилась на глазах. А сегодня, когда Ульяна спустилась в гостиную, он не слышал абсолютно ничего, лишь жадно вглядывался в ее лицо, ощущал зарождающуюся внутри злобу.

Ульяна вновь ловит его взгляд, неосознанно касается лица, убирает за ухо прядь, немного ерзает на стуле, улыбается, делает вид, что слушает рассуждения родительниц.

– Покурю, – сообщает Громов и поднимается со стула.

Никольская подается вперед, понимая, что выглядит подозрительно, но ее до сих пор мучает вопрос: он узнал ее вчера? А сегодня? Он понял, что она – это та девушка из клуба?

– Простите, – поднимается следом, – мне нужно подышать свежим воздухом, плохо себя чувствую.

Перешагнув порог, она неуклюже хлопает дверью, привлекая к себе внимание того, кто нарезает круги вокруг гамака с сигаретой в зубах. Переступив с одной ноги на другую, девушка обнимает себя руками и, немного подобравшись, вытягивает шею, растирая предплечья ладонями.

Громов не церемонясь подходит к ней вплотную, прищуривается, выдыхая дым в сторону.

– Что за цирк? – давит взглядом.

– Не поняла?!

– Что за представление ты устроила в клубе?

– Значит, ты меня узнал?

– Видимо, ты очень этого хотела? – подается вперед и немного грубо хватает ее за руку.

– Все, чего я хотела, это хорошо провести вечер, – Ульяна пожимает плечами, стараясь не оставаться в долгу.

– Надеюсь, что приключений ты себе нашла.

– Конечно нашла, – утвердительно кивает, наблюдая за Степиной реакцией.

Никольская больше не отводит взгляд, смотрит прямо в его глаза. Кладет раскрытую ладонь на мужскую грудь, замечая, как расширяются его зрачки, а сама немного приподымается на носки. Рука скользит выше, к его плечам, касается шеи. Трепет, окутывающий тело, завораживает, она не может отстраниться, втягивает воздух, и легкие заполняются запахом терпкого аромата мужского парфюма.

– Помнишь, – облизывает губы, делает это медленно, – ты сказал, что между нами ничего не может быть? Помнишь? – прижимается к нему всем телом. – Скажи мне это сейчас, – шепчет в губы, – скажи.

Громов не отстраняется, продолжает на нее смотреть. Подмечать незамеченные до этого детали, понимать, что она выросла, что она красива. Ему хочется до нее дотронуться, но он не

позволяет себе этого, крепче сжимает сигарету, дым которой обволакивает пальцы. Смотрит в синие глаза, горящие желанием и внутренним обожанием, на подрагивающие пушистые ресницы. Скользя касается ее запястья, невзначай вырисовывая на нем ведомый лишь ему узор.

Ульяна легонько прислоняется своими губами к его. Закрывает глаза, крепче сжимая руки в кулаки. Чувства обостряются. Громов запускает пальцы в ее светлые волосы, дотрагивается до щеки, глубже проникая языком в девичий рот. Контроль летит к чертям.

Ульяна улыбается, продолжая целовать его в губы, прижиматься теснее, наслаждаясь моментом, ее самоконтроль трещит по швам. Распахнув глаза, она отчетливо видит, как входная дверь, оставшаяся позади, приоткрывается и в этом небольшом проеме появляется мамино лицо.

Столкнувшись с дочерью глазами, женщина мгновенно закрывает дверь.

Громов слышит хлопок, прекращая поцелуй. Его руки все еще крепко стискивают Ульянину талию.

– Скажи, – Никольская говорит настойчиво, потому что терять ей уже нечего, мама непременно снимет ей скальп, – скажи, что тебе все равно, – нервно улыбается, ждет ответа и громко кричит глубоко внутри. Бьется в стены, окрашенные его молчанием.

Степа отпускает ее взгляд, отдергивает пальцы от тонкой светлой кожи. Отстранившись, кривит губы в нервной усмешке, тушит окурок и, выбросив его в урну, возвращается в дом, так ничего ей и не ответив.

Ульяна остается одна, ее взгляд бежит по сочному зеленому газону, тело подрагивает от прохладного летнего ветра, а может, от бушующих внутри эмоций.

Вернувшись в дом, первое, что она слышит, счастливое щебетание Светы:

– ... я хочу, чтобы наша свадьба получилась грандиозной.

Громкие удары сердца в груди поглощают остальные звуки, Ульяна замирает на пороге гостиной, впиваясь ногтями в деревянный косяк, сама не понимая, что с ней происходит. Губы растягиваются в истеричной улыбке, а глаза наполняются слезами. Отвернувшись, она хватается джинсовку и выскальзывает за дверь.

– Значит, женишься? – бормочет себе под нос, крепко стискивая зубы. – Хорошо, вот и посмотрим, насколько крепок ваш союз!

– До свидания, – Света целует Олеся Георгиевну в щеку, чуть дольше задерживает взгляд на Демьяне, чувствуя прилив какого-то возмущения, которое смешано с трепетом.

Высокий, широкоплечий, с беспорядочной темной укладкой на голове, в ярких, кислотно-желтых штанах и белой майке-алкоголичке. Руки и виднеющаяся из-под выреза майки грудь покрыты татуировками. У него бархатистый голос, приятное лицо, он приковывает к себе внимание, сам того не желая.

Света вздрагивает от громких голосов вокруг и отводит взгляд от младшего Никольского, чувствует себя более чем просто неловко. Подхватив сумочку, перекидывает тонкий ремешок через плечо.

– До свидания, заглядывайте почаще, – радушно сообщает Артур Павлович.

Олеся Георгиевна же с каким-то хорошо скрытым отвращением смотрит на Степана. Выдавливает из себя улыбки, хлопает по плечу Оксану Олеговну, что-то щебечет, невзначай касаясь Степы все тем же колючим взглядом.

Света перешагивает порог первая, прощается с родителями Степана, ждет его самого, но, стоит им дойти до машины, оборачивается, внимательно всматриваясь в наглые серые глаза.

– У вас с ней что-то было? – преграждает путь.

– С кем?

– С дочкой Никольского.

– Нет.

– Тогда почему она на тебя так смотрела? Я знаю этот взгляд! Ей было неловко в твоём присутствии.

– Тебе показалось.

– Нет, Громов, такие вещи не кажутся. – Света пристегнула ремень безопасности, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Все твои претензии звучат смешно. Не находишь?

– Не нахожу. Мне не нравится эта девчонка, никогда не нравилась.

– Твое право.

– И ты ничего мне не скажешь? Я помню, какую она закатила истерику в твоей квартире накануне вылета. Прекрасно это помню. Она была помешана на тебе.

– Возможно. А что ты хочешь услышать?

– Аргументы.

Громов снисходительно смотрит на свою так называемую невесту, а водитель такси выкручивает руль, выезжая из поселка.

– Что ты молчишь? – раздражается Светка.

– У меня нет желания обсуждать твой бред. Если так хочется, истери в одиночку, я пас.

Глава 5

Машина пронеслась мимо нее слишком быстро, окатив грязной водой из лужи до самых ушей. Ульяна раздосадованно оглядела себя, промокшее платье, волосы с вкраплениями глинистых ошметков, провела руками по джинсовке. Она так и не выехала из поселка, просто нарезала круги, дышала воздухом, хотела прийти в себя. Услышанное всколыхнуло бурю эмоций, самых отвратительных, мерзких эмоций. Все вновь закручивалось в тугий узел, ее вновь лишали воздуха и права выбора. Она долго сокрушалась из-за своего невезения, но, стоило этой гадкой машине устроить ей грязевой душ, мысли прояснились. В голове, как по щелчку, появился план действий. Разве она может оставить все это так? Не может. Никогда не могла.

Ведь в тот день, три года назад, когда она выбежала из его квартиры в слезах, он пошел за ней следом. Догнал уже во дворе, с болью стискивая предплечья, крепко прижимая к себе. Она ненавидела его в тот момент. Он говорил о правильности, о невозможности. Хотел отвезти ее домой, а она хотела, чтоб он ушел. Свалил из ее жизни навсегда, потому что чувствовать его присутствие, слышать его голос было просто выше ее сил. Она билась в истерику, а капли дождя омывали лицо.

Это получилось так странно, когда она только впрорхнула в его квартиру, все вокруг озярло теплое и яркое солнце, а когда выбежала оттуда в слезах, начался дождь.

Они стояли под проливным летним дождем. Одежда прилипла к телу, утяжеляя движения. Степа склонился к ее лицу, провел по нему ладонью, пытаясь вытереть слезы. Мимолетное касание губ, обжигающе яркое.

Она помнила этот псевдопоцелуй до сегодняшнего дня. Помнила.

Ульяна трогает припухшие губы, оглядывается по сторонам, возвращаясь в реальность. Вернувшись домой, она украдкой проскальзывает в ванную, кидает вещи в стирку, принимает душ, заворачивается в полотенце и перебежками поднимается к себе. Переодевается в пижаму с коротким рукавом и смешными мишками, включает телевизор исключительно для фона. Делает растяжку.

Спустя несколько минут из кухни начинают доноситься крики. Какое-то тотальное недовольство. Топот усиливается, и мама врывается в комнату ураганом, хлопает дверью, закрывая ее на ключ. Судя по всему, внизу она ругалась с Дёмой, куда пропал папа, было непонятно.

– Будешь воспитывать?

Ульяна смотрит на родительницу и молча улыбается. Она знала, что подобный разговор состоится сразу, как только уйдут гости. То, что видела мама, не дает ей покоя.

– Ты совсем совесть потеряла? Ладно он, мужик, поманили пальцем – побежал, но ты!

– Мама, – поднимается с пола, – меня пугает твое отношение к мужчинам, ничего страшного не произошло.

– Ничего? У него невеста! Невеста! А у тебя свадьба. Ты головой думаешь? Хоть немного? Как я потом буду в глаза Оксане смотреть? А Максиму?

– А при чем здесь Громова?

– Прекрати прикидываться дурочкой, слышишь? Чтобы близко больше к нему не подходила. У тебя работа! У тебя Максим! Тебе нужно думать только об этом. А если из-за твоих интрижек тебя лишат партии? Ты об этом подумала?

– Хорошо, мама, – Ульяна кивает, подмечая, что мама пришла в ее комнату уже немного выдохшейся, видимо, Дёма слегка успел остудить ее пыл, – я буду благоразумной.

– Я же хочу как лучше для тебя, – напоследок сокрушается родительница и уходит...

Ульяна выдыхает. Садится на кровать, замечая Дёмкину физиономию в щелочку двери.

– Заходи, чего встал?

Демьян падает рядом и, подмяв подушку, вытягивается на кровати.

- Бросаешь меня, да? Теперь уже точно в Москву сваливаешь?! – подтрунивает брат.
- Поехали со мной.
- Было бы все так просто.
- Это правда? Или маме приснилось?
- Ты про что? – на секунду включает дурочку, и брат с усмешкой цокает языком. –

Правда.

- Влюбилась, что ли?
- Влюбилась? – крепче обнимает плюшевое авокадо. – Не говори ерунды. Так, вино в голову дало.
- А как же Макс?
- А что Макс? У нас все прекрасно. Любовь, романтика всякая.
- Уль, ты щас такой херни натворишь.
- Я взрослая девочка, Дём, сама разберусь.
- Да твое право. Кто спорит?

Несколько дней усердных репетиций, смешанных с дополнительными хореографическими тренировками. Ни минуты свободного времени, жесткий ритм и график, все мысли только о работе, о предстоящих гастролях, о премьере.

Развязав ленты пуант, Ульяна лениво потянулась и даже зевнула, ее адски клонило в сон. Но на сегодня у нее было запланировано еще одно дело. Слишком провокационное дело, она мучилась в нерешительности всю неделю, но как итог села в свою лимонную красавицу уже сейчас. Выкрутила руль, поправила выбившиеся из пучка волосы, надела солнцезащитные очки и медленно влилась в поток машин.

У клиники, где работает Громов, очень долго сидела, крепко вцепившись пальцами в руль. В ее голове даже промелькивает мысль убраться отсюда как можно дальше, но она ломает себя, громко хлопает дверью и, прихватив рюкзак, взбегает по ступенькам, входя в разъехавшиеся двери.

– Я к Громову, он меня ждет, – нагло заявляет на рецепции, – Ульяна Никольская, так и скажите.

Девушка, сидящая в кресле, что-то стучит по клавишам, с кем-то связывается и, кивнув, детально рассказывает Ульяне, куда идти.

– Спасибо, – Никольская выдыхает, у двери останавливается на несколько секунд, приводит в норму свой зашкаливающий пульс, заносит руку, чтобы постучать, но в итоге просто открывает дверь, спешно переступая порог. Словно боится, что если не успеет перескочить на другую сторону, то больше не сможет войти.

– Привет, – кидает рюкзак на стул, осматривая Громовский кабинет.

Степан кивает, с интересом наблюдая за ее движениями.

– Присядешь? – склоняет голову вбок.

– Да, – Ульяна в порыве огибает стол, останавливаясь рядом с мужчиной. Расстегивает пару пуговиц своего кардигана, стаскивая тот с плеч.

– Интересно, – Громов упирается ладонями в ручки кресла, немного подтягиваясь наверх, шире расставляет ноги, слегка покручиваясь в массивном кресле.

Ульяна трет ладонью шею, пробегает по животу и, подхватив край белой футболки, тянет ее наверх. Оголяет грудь, кидая белую ткань на Громовский стол. Ежится от прохлады кондиционера и в какой-то момент закрывает оголенные полушария руками.

Степан широко улыбается, словно смеется над ней, от этого Никольская чувствует себя полной душой. Стоит тут посреди кабинета в одних джинсах, только позорится, но это часть плана, поэтому Уле приходится проглотить все свои сомнения.

Громов выпрямляется и теперь смотрит на нее сверху вниз, дотрагивается до Ульянкиного плеча, наблюдая за образовавшимися на коже крупными мурашками.

– Давай без резких движений, – подцепляет ее футболку пальцами, протягивая в женские ладони. – Для начала просто поужинаем. Хорошо?

– Ладно, – девушка отводит взгляд, боясь посмотреть в его глаза.

Громов слегка вытягивает руку, огибает изящную спину, устраивая ее на тонкой талии. Склоняется к Ульяниному лицу, вскользь касается носом виска, втягивая запах ее волос.

– Подожди меня немного, я скоро освобожусь. Можешь выпить кофе, Лера принесет.

– Прости меня, я совсем не подумала, глупо вышло, – принимает застенчивый вид, пытаясь показать, насколько ей стыдно.

– Да нет, очень даже занятно, – вырисовывает на лице полуулыбку, – получилось смело. Ты красивая, – все же дотрагивается до ее щеки, после чуть ниже, обхватывает подбородок и немного тянет тот на себя, чтобы посмотреть в ее синие глаза.

Никольская смущается, теперь по-настоящему, отступает, быстро надевает футболку, упавший к ногам кардиган и садится в кресло по другую сторону стола, прижимает к груди рюкзак. Громов без слов завершает дела, снимает халат, выходит в смежную комнату кабинета и возвращается уже в джинсах и расстегнутой на груди рубашке. Пока шагает к двери, застегивает мелкие пуговички, одергивает манжеты и протягивает Ульяне ладонь.

– Поехали, – смотрит на свое запястье, которое украшают массивные золотые часы.

Ульяна вышла первая. Тем временем Громов закрыл кабинет, убрал ключ в карман пиджака, о чем-то переговорил с ассистенткой, а после направил Улю к выходу, немного коснувшись пальцами ее спины.

По дороге в ресторан Ульяна нервничала и никак не могла найти себе места. Нужно было говорить, сказать хоть что-то, но слов не было. Совсем. Степан спокойно вел машину, словно ничего не произошло.

Уже в зале просторного ресторана Ульяна вспоминает о том, что у нее есть план, о том, что это не просто дружеский ужин. Это изучение врага, манипуляция, чтобы найти болевые точки

– Значит, выходишь замуж? – поинтересовался Степан и параллельно ослепительно улыбнулся официантке, забрав из рук той меню. Одну папку галантно протянул Ульяне.

Девушка же тем временем не могла справиться со вставшим в горле комом. Сработал эффект неожиданности, она почему-то была уверена, что он не знает. Но, видимо, мама успела просветить его в ту часть ужина, с которой Ульяна трусливо сбежала.

– А ты женишься, – парировала с легкой ухмылкой, а после коснулась глазами страниц а-ля карт.

– Не исключено. Что за фокусы? Зачем ты приехала?

– Хотела тебя увидеть, – Ульяна тянет руку через стол, уверенно положив ее на тыльную сторону мужской ладони.

Громов ухмыляется, кидает взгляд на ее пальцы, а после слишком пронзительно смотрит в девичьи глаза, от этого взгляда по Ульянкиной спине бегут мурашки. Она вновь забывает, зачем сюда пришла.

– Увидела?

– Более чем.

– Тогда самое время поесть.

– Приятного аппетита, – Ульяна поддевает на вилку немного салата и тщательно тот пережевывает. – Зачем ты вернулся?

– Это допрос?

– Дружеская беседа. Просто интересно. У тебя были шикарные перспективы в Штатах.

– Не верь всему, что слышишь. – Степан отделяется двусмысленной фразой, запивая слова водой со льдом.

– Громов, давай переспим, – слетает с ее губ, прежде чем она начинает отдавать себе отчет в сказанном, но намеренно продолжает идти до конца, терять ей уже нечего.

– Давай, – он соглашается будничным тоном, – к тебе, ко мне? В гостиницу?

– Ты серьезно? – Никольская нервно заламывает пальцы, стараясь оставаться непринужденной, получается плохо.

– Более чем. К тому же ты теперь девочка взрослая, да и сама предложила. Поехали, доешь завтра.

Громов выпрямляется, расплывается с подбежавшим к их столику официантом и резко вытягивает Ульяну из кресла. Подталкивает к выходу, торопит. Эмоции бушуют внутри него свирепым тигром. Ему так и хотелось выволочь ее оттуда за волосы с такими предложениями. Играет она. Значит, решила спровоцировать? Хорошо. Он посмотрит, насколько далеко она сможет зайти, да и сможет ли вообще. Глупая, малолетняя дура, втемяшившая себе в голову, что она стерва. И сдалось оно ему все?

Пока машина рассекает вдоль дороги, Громов думает о том, что нужно было выгнать ее сразу, как только ее ноги переступили порог его кабинета. Она его злит, злит своим дурацким поведением. Но если быть откровенным, откровенным с самим собой, он же действительно что-то к ней чувствует. Его к ней тянет. Адски, невыносимо. Второй день ее блондинистая голова не выходит из его мыслей. Придушил бы, прямо здесь и сейчас, за то, что нарывается. Ему все это не нужно, эта игра в любовь. Зачем? Она же все равно уйдет. Убежит как можно дальше, когда узнает его ближе. У него тяжелый характер, слишком тяжелый для ее хрупкой артистичной натуры.

– Заходи, – Громов открывает перед ней дверь прекрасного гостиничного номера с видом на Неву, – раздевайся, – добавляет сразу, как только она переступает порог, – чего застыла? – шепчет, оставаясь стоять позади.

Ульяна съежилась от его слов. Нервно обхватила предплечья руками, растирая гусиную кожу. Шагнула вперед и врезалась взглядом в белоснежную кровать «кинг сайз». Боялась обернуться. Теперь эта идея казалась ей глупой. Зачем она сюда поехала? Для чего? Что и кому хотела доказать? У нее же даже секса не было. Был жених, но не было близости. Дура.

Громов словно скала стоял за спиной. Смотрел на ее метания, выжидая, когда она уже пойдет на попятную, но она упрямо не хотела сдавать позиций. Степа вытянул руку, коснулся Ульяниной спины, и она вздрогнула, едва успев сдержать тихий вскрик. Мужские пальцы собрали в кулак ткань кардигана и потянули его на себя. Девушка двинулась с места, впечатываясь спиной в мужскую грудь. Легкие наполнились ароматом парфюмерной воды, не позволяя вздохнуть.

Громов подталкивает ее к кровати, довольно грубо, можно сказать, абсолютно не церемонясь. Ульяна летит на белые простыни, упираясь ладонями в матрац. Группируется. Подползает наверх, закрывая себя руками, забиваясь в угол. Смотрит на него растерянно, с маячащей на горизонте истерикой. Губы начинают дрожать.

– Ты же хотела. Раздевайся, у меня нет времени на все это... – с усмешкой обводит комнату взглядом.

Никольская подбирается, нервничает, наконец понимая, как она попала, как сейчас выглядит и как себя ведет.

– Пошел ты, – выплевывает слова, слезая с другой стороны кровати на пол. Стягивает края кардиган.

– А сколько было смелости. Поехали, домой отвезу, – Громов с надменной улыбкой дожидается, когда она обойдет его стороной и выйдет в длинный гостиничный коридор. Ульяна

спешит, быстро перебирает ногами, продумывая план побега. Нужно уйти, сейчас же. Но на выходе мужские пальцы без колебаний подцепляют ее за ворот, утягивая в салон авто.

На улице уже стемнело, пока они доберутся за город, то вечер сменится ночью.

У забора родительского таунхауса Уля вылетает из машины и со всех ног несется к дому. Только вот даже на территорию дома так и не попадает. Роемся в рюкзаке в поисках ключей, которых нет. Неужели она их забыла? Звонит в домофон, но каждая попытка тщетная. Еще и Громовская тачка так раздражающе урчит за спиной. Оглянувшись, девушка вытаскивает мобильный. Звонит отцу, который сообщает, что они поехали в Москву, хотят посмотреть, как обустроился брат.

– Шикарно, – сквозь зубы.

Степа, вышедший из машины, смотрит на нее с интересом.

– И?

– Что – и? Ключи забыла, а предки у Дёмы.

– Ну я тебя поздравляю. Спокойной ночи, говорят они сейчас еще теплые.

Сказав это, мужчина возвращается за руль и даже снимает машину с нейтралки. Никольская, взбешенная его безразличием, рывком открывает дверь со стороны пассажира.

– Ты что, бросишь меня здесь одну?

– Стоило бы за твои проделки, – выкручивает руль, – падай уже.

– Ну спасибо, – плюхнувшись на сиденье, девушка прижимает рюкзак к груди, стараясь смотреть ровно в лобовое стекло, – отвези меня в гостиницу.

– Думаю, там мы сегодня уже были.

Его слова звучат двусмысленно. Ульяна кривит губы, и прикрывает глаза, ее клонит в сон, а когда она выныривает из дремы, перед ней расстилается подземная парковка. Качнув головой, Ульяна выпрямила спину.

– Где мы? – обернулась к Громову.

– На парковке.

– Это я вижу.

– У меня переночуешь.

– У тебя?

– Квартира большая, – пожимает плечами.

Никольская кивает, сама же думает о том, насколько это глупо идти среди ночи в квартиру к мужчине? Верх безалаберности, в которую она сегодня погружается миллиметр за миллиметром. В лифте душно, слишком маленькое и закрытое пространство давит на нервы. Громов, стоящий напротив, кажется ей огромным каменным изваянием. Улин взгляд упирался ему в грудь, а чтобы увидеть его лицо, ей необходимо непременно задрать голову.

Степан по-хозяйски открыл дверь, пропуская девушку вперед.

Переступив порог, Улька застывает как вкопанная. Когда свет включается, перед ними появляется высокая, худая и обильно загорелая брюнетка. Подсушенное тело упаковано в ярко-алое прозрачное белье, которое ничего не прикрывает.

Никольская сглатывает, не зная, как реагировать, что делать и вообще куда бежать. И почему она сразу не подумала о том, что Света, вероятно, тоже здесь живет. У них же свадьба намечается... Но судя по реакциям Талашиной и тому, с какой скоростью меняются эмоции на ее красивом лице, она в не меньшем шоке.

– Степа, я не поняла?! – Светка сводит брови, слегка надувая пухлые губы. – Зачем ты ее сюда привел? – пренебрежительно взмахивает ладонями.

– Ты же хотела как-то разнообразить наши отношения, – Громов произносит это с насмешкой, – по-моему, она подходит, – проводит пальцем по Ульянкиному плечу и, резко отдернув руку, в упор смотрит на Свету. – Ладно, теперь серьезно, Ульяна сегодня переночует у нас.

– Что значит переночует? Степа.

– Света! – глядит пристально и уже без доли юмора. – Она забыла ключи от дома, а Никольские в Москве.

– Ладно, я поняла. Добро пожаловать, – кривит губы, пробегая по Ульяке насмешливым взглядом.

– Я лучше пойду, – девушка торопливо подается к двери. Кажется, на сегодня ее запал остыл окончательно и строить из себя стерву уже выше ее сил.

Громов оперативно ловит ее за ворот кардигана и подтягивает обратно, сдвигая дверь шкафа вбок.

– Раздевайся и чувствуй себя как дома. Света покажет комнату. Правда, Света?

– Конечно.

Талашина расплывается в улыбке, в ее глазах полыхает наигранная любезность. Атмосфера становится все более абсурдной. Воздух пропитывается общей неприязнью, наэлектризовывается, не давая выдохнуть.

Ульяна вешает пиджак в шкаф, стараясь не обращать внимания на взгляды этой дамы, а после послушно идет туда, куда говорят.

Оказавшись в комнате, девушка пробежала глазами по светло-серому пространству, присела на мягкую широкую кровать, выпустила из рук свой рюкзак и взглянула в окно. Медленно высвободилась из одежды, чувствуя лишь опустошение. Все, что случилось сегодня, было ужасно. Ей хотелось поскорей заснуть, лечь и забыть все это, как страшный сон.

Смежная с комнатой ванная порадовала. Ульяна долго стояла под душем, а обернувшись полотенцем, замерла у зеркала, плакала, рассматривая свои красные глаза в отражении. Укутавшись одеялом, она никак не могла заснуть, смотрела в темный потолок, прислушиваясь к звукам в квартире. Все ее планы и бравада оказались пустыми. Словно и не было ничего. Здесь, сейчас, одно Светкино присутствие в его квартире на многое открыло ей глаза.

Кажется, она слишком заигралась... у него своя жизнь, всегда была своя жизнь, где Никольской не было места. Как она выглядит в его глазах? Глупо, действительно очень глупо.

Утро не кажется лучше. Такая же серость и убогость, в мыслях и ощущениях – точно.

Натянув футболку и завязав волосы, Ульяна воровкой выскальзывает в коридор. Хочет уйти по-английски.

Света появляется позади словно призрак, как только Никольская открывает шумный гардероб у двери в квартиру.

– Как спалось? – Талашина надавливает на нижнюю губу длинным острым ногтем, опаяя незваную гостью взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.